

членовредительствъ, „вывиховъ и искривленій“, какъ выражается авторъ? Что вывихнутыя личности въ изобиліи существовали, да и донинѣ существуютъ въ русскомъ обществѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но первая обязанность историческаго изслѣдованія должна заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить истинное происхожденіе этихъ вывиховъ. Авторъ находитъ, что главная ихъ причина была въ поспѣшности и нетерпѣливости, съ какою вводилось новое образованіе; но, просматривая исторію русскаго образованія, довольно мудро увидѣть особенную поспѣшность. Единственное время, которое можно упрекнуть этимъ, было время Петра Великаго; но его поспѣшность, во-первыхъ, ограничивалась образованіемъ техническимъ, въ концѣ концовъ положительно необходимымъ, а во-вторыхъ, была вызвана чрезвычайной медлительностью его предшественниковъ и, вѣроятно, также—сомнѣніемъ въ преемникахъ, которое исторія вполне подтвердила. Петру Великому, повидимому, было досадно смотрѣть, что его предшественники, очевидно нуждавшіеся въ помощи иноземнаго знанія (напр., военнаго, инженернаго, горнаго, мануфактурнаго и т. д.), предпочитали забирать его, такъ сказать, натурой, въ видѣ иноземныхъ офицеровъ, инженеровъ, заводчиковъ и т. д., и жили чужимъ наемнымъ умомъ вмѣсто того, чтобы позаботиться о приобрѣтеніи знаній и ума самими русскими людьми,—и въ этомъ онъ былъ совершенно правъ: если раньше государство объ этомъ не заботилось, нужно было принять къ этому сильныя мѣры. Но, затѣмъ, для высшаго образованія сдѣлано было очень немного. Самъ Петръ не успѣлъ открыть академіи, и въ теченіе XVIII-го вѣка изъ высшихъ ученыхъ учреждений его преемниками устроены были только очень плохая, въ національномъ смыслѣ, академія наукъ и московскій университетъ; уже только черезъ сто лѣтъ послѣ Петра открыто было при Александрѣ нѣсколько университетовъ, вначалѣ также очень плохихъ. Императрица Екатерина, блиставшая просвѣщеніемъ XVIII-го вѣка, не основала ни одного высшаго ученаго учрежденія („Россійской академіи“ можно, пожалуй, не считать) и только собиралась основать университетъ гдѣ-то въ Екатеринославѣ, причемъ главнымъ побужденіемъ былъ едва ли не театръ-эффектъ. Далѣе, самый вопросъ объ образованіи поставленъ былъ очень двусмысленно. Въ теченіе XVIII-го вѣка, послѣ Петра, о немъ, собственно говоря, вовсе не заботились; при Екатеринѣ II, рядомъ съ поклоненіемъ фернейскому мудрецу и съ сочиненіемъ „Наказа“, принимались весьма дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы образованіе знало мѣру, не осмѣливалось стать